

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируется положение ценностной сферы личности в концепциях саморегуляции поведения и деятельности. Анализ охватывает как отечественные, так и зарубежные подходы, показывая эволюцию понимания саморегуляции от внешне обусловленных и когнитивно-операциональных механизмов к внутренне опосредованным, ценностно-смысловым процессам. Особое внимание уделено современным исследованиям О. А. Конопкиной, В. И. Моросановой, А. К. Осницкого и А. В. Зобкова, демонстрирующим, что ценностная сфера является ключевым регулятором личностной активности и обеспечивает осознанное, целенаправленное и морально ориентированное поведение.

Ключевые слова: саморегуляция, механизмы саморегуляции, ценностная сфера, субъектность, регуляторный опыт.

Введение. Саморегуляция традиционно рассматривается в психологии как ключевой механизм обеспечения целенаправленной, осознанной и адаптивной деятельности человека. В отечественных и зарубежных исследованиях данное явление изучается в рамках различных подходов: когнитивного, стилевого, ресурсного, субъектно-деятельностного. Каждый из этих подходов акцентирует внимание на определённых аспектах осознанной регуляции – когнитивный и стилевой подходы выделяют процессы планирования и контроля, ресурсный – на «мобилизующем» свойстве саморегуляции по отношению к различным ресурсам личности, субъектно-деятельностный – на осознанности саморегуляции субъектом и ее интегрирующей природе по отношению к личностным сферам. В этих исследованиях роль ценностной сферы

трактруется неоднозначно: в одних подходах она оказывается на периферии анализа, в других – рассматривается как один из факторов мотивации или смыслообразования. Такая неоднозначность и фрагментарность подходов затрудняет системные роли ценностных ориентаций личности в механизме саморегуляции, а также усложняет построение интегративных моделей саморегуляции, учитывающих не только её когнитивные, поведенческие и эмоциональные, но и смысловые компоненты.

В свете вышеизложенного актуальность настоящей работы определяется необходимостью анализа существующих концепций саморегуляции с целью выявления места ценностной сферы в их структуре, а также уточнения её роли в формировании устойчивых механизмов саморегуляции поведения личности.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации подходов к пониманию ценностной сферы как компонента саморегуляции и оценке её проявлений в контексте юношеского возраста. Для достижения данной цели предполагается решение следующих задач: проанализировать основные концепции саморегуляции личности, выявив различия в акцентах и подходах к её изучению; определить место ценностной сферы в структуре саморегуляторных механизмов в различных подходах; рассмотреть возрастные особенности ценностно-опосредованной саморегуляции в юношеском возрасте, выявив ключевые закономерности формирования внутренних ориентиров личности.

Традиционные взгляды на саморегуляцию. Изучение саморегуляции как механизма началось в XX веке и было обусловлено формированием разных парадигм. В зарубежной психологии середины XX века значительный вклад внесли представители гуманистического подхода – Э. Фромм и К. Роджерс. Они рассматривали саморегуляцию как проявление личностной зрелости, внутренней мотивации и ответственности за собственные действия, подчёркивая её связь с самоопределением и гармоничным взаимодействием с окружающим миром [15, с. 537]. Когнитивные психологи, включая Дж. Флэвела и Р. Аткинсона, исследовали механизмы планирования, целеполагания и контроля внимания, рассматривая их как базовые компоненты саморегуляции [16, с. 334]. В дальнейшем интегративные подходы, предложенные Р. Баумайстером и К. Вохс, продемонстрировали, что способность к самоконтролю зависит от ограниченных психических ресурсов, которые могут истощаться, но

восполняться мотивацией и долгосрочными целями [17, с. 525].

В отечественной психологии формирование концепции саморегуляции развивалось в культурно-историческом и деятельностном ключе. Л. С. Выготский рассматривал саморегуляцию как результат интериоризации внешних форм управления поведением, возникающих в социальной среде, а С. Л. Рубинштейн подчёркивал её связь с внутренними мотивами, целями и социальными нормами [15, с. 30]. А. Н. Леонтьев в рамках деятельностного подхода выделял саморегуляцию как компонент целенаправленной активности, опосредованный системой мотивов и смыслов личности, где управление поведением связано с осознанием целей деятельности и их внутренней значимости [8, с. 240]. Л. И. Божович рассматривала ценностную сферу как внутренний регулятор поведения подростка, обеспечивающий нравственно зрелую саморегуляцию, отмечая при этом роль эмоционального опыта в осознании и регулировании собственных поступков [1, с. 303]. Историческое развитие представлений о саморегуляции демонстрирует эволюцию от понимания её как внешне обусловленного процесса к трактовке как внутреннего, когнитивного и ценностно опосредованного механизма. Современные подходы, опирающиеся на идеи как зарубежной, так и отечественной психологии, рассматривают саморегуляцию как комплексный процесс, интегрирующий ряд компонентов. При этом сам набор компонентов и их взаимная связь варьируются в зависимости от модели саморегуляции и подхода к её изучению.

Положение ценностной сферы в современных моделях саморегуляции. В современной отечественной

психологии изучение саморегуляции неразрывно связано с О. А. Конопкиным, который предложил одну из первых моделей саморегуляции, описывающую процесс осознанного контроля поведения. Он подчёркивает, что осознанная саморегуляция – это не просто совокупность когнитивных операций или инструментов, а целостная система, включающая строгую форму и богатое содержание. О. А. Конопкин предложил двузвенный подход к пониманию осознанной саморегуляции как сложного психического регуляторного процесса. Первый аспект – структурно-функциональный – касается формальной архитектуры саморегуляции. О. А. Конопкин выделяет ряд функциональных звеньев: постановка цели, построение субъективной модели условий, программирование действий, оценка результатов и корректировка поведения при отклонении от плана. Он утверждает, что именно эти элементы образуют системный скелет процесса: они взаимосвязаны, работают как информативная обратная связь и обеспечивают управление произвольной активностью. Второй аспект – содержательно-психологический – фокусируется на психических средствах, используемых субъектом для реализации функциональных звеньев. Это не только когнитивные механизмы, но также эмоционально-мотивационные и личностно-смысловые феномены, которые качественно наполняют процесс саморегуляции. Эмоции и мотивация задают выбор целей, придают значимость пониманию условий и влияют на устойчивость и гибкость выполнения программ. Личностно-смысловые структуры определяют адекватность критериев успеха и способы коррекции. Таким образом, регуляторный процесс выступает как

«живое единство» формального и содержательного, где каждый компонент опирается на другой, и эффективность достигается только при их синергии [6, с. 33].

Несмотря на постулирование содержательно-психологического аспекта саморегуляции, работы О. А. Конопкина в большей мере были посвящены именно структурной ее части. Когнитивные механизмы, эмоционально-мотивационные и личностно-смысловые феномены не были рассмотрены в системе саморегуляции О. А. Конопкиным подробно, поэтому в рамках его подхода остается проблематичным оценить то, как конкретно эти содержательные феномены связаны с саморегуляцией и каково соотношение их влияния (в т. ч. в разные возрастные периоды), что характерно также и для ценностной сферы. Несмотря на это, модель саморегуляции, предложенная О. А. Конопкиным, создает методологическую основу для изучения структурно-функциональной, «исполнительной» составляющей саморегуляции, а также создает основу для последующего уточнения и расширения модели саморегуляции его последователями.

Идеи О. А. Конопкина приобрели дальнейшее развитие в работах В. И. Моросановой. Она расширила модель саморегуляции, подойдя к ее изучению в рамках субъектного, а позднее – ресурсного подхода [8; 10]. Определяя саморегуляцию как системный многоуровневый процесс психической активности человека по выдвижению целей и управлению их достижением, В. И. Моросанова, работающая в соавторстве с О. А. Конопкиным, акцентируется на функциональном аспекте саморегуляции, а

именно на таких функциональных блоках, как постановка цели, создание модели значимых условий, контроль, оценка и корректировка результатов деятельности [7, с. 21], однако в последующих работах этот базис существенно расширяется. Так, в своей работе «Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека» она дополняет функциональный аспект саморегуляции личностным и субъектным уровнями. Моросанова отмечает, что «субъектность проявляется в первую очередь в самодетерминации, в развитии осознанной саморегуляции активности, а личность определяет индивидуальные особенности саморегуляции в их взаимосвязи с темпераментом и характером, различными структурами сознания и бессознательного» [9, с. 38]. Она также указывает, что субъектный уровень саморегуляции представляет собой, в первую очередь, способность к самоопределению и к тому, чтобы преодолевать «ограничения природной организации». Субъектно-личностный уровень же стоит рассматривать как набор содержательных аспектов – направленности, самосознания и потребностно-мотивационной сферы. Как указывает сама В. И. Моросанова, развитие индивидуальности как субъекта – это развитие целостной системы саморегуляции, а точнее, ее проекций на все более высокие уровни индивидуальности человека с использованием все более широкого спектра психологических ресурсов индивидуальности [Там же, с. 39].

Дальнейшее развитие модели саморегуляции в работах В. И. Моросановой осуществляется уже в рамках ресурсного подхода (где тем не менее

субъектность также выступает ключевым фактором развития саморегуляции). При этом саморегуляция понимается не как частный ресурс, который личность (или субъект) может использовать наравне с другими, саморегуляция выступает «метаресурсом», мобилизирующим индивидуальные особенности и возможности человека самого разного уровня для инициации целей активности и организации их достижения [10, с. 65].

Анализируя развитие саморегуляции у подростков, В. И. Моросанова указывает на ее тесную связь с ценностной сферой, отмечая, что развитие осознанной саморегуляции способствует усвоению позитивных форм самосознания и усилению их регулирующей роли в поведении в юношеском возрасте, активизирует процессы личностного саморазвития. В ее модели развитость саморегуляции коррелирует с усвоением норм морали и ценностей социума, что в дальнейшем, в процессе интериоризации, позволяет опираться на эти самые нормы уже без внешнего воздействия. При этом обращает на себя внимание тот факт, что ценностная сфера (ценности, смыслы) не рассматривается в свою очередь как ресурс. Иными словами, влияние саморегуляции на ценности косвенно отмечается, а ценностной сферы на саморегуляцию – нет. Такая односторонняя связь представляется маловероятной и требующей более детального изучения, поскольку потребностно-мотивационная сфера, указанная В. И. Моросановой в качестве одного из аспектов личностного уровня саморегуляции, едва ли может быть отделена от ценностной сферы. Это особенно уместно подчеркнуть в связи с концепцией В. И. Моросановой о стилях

саморегуляции, которые в своей классификации подразделяются больше с опорой уже на функциональный аспект, без учета личностно-содержательной составляющей, в том числе ценностей.

Более пристальное внимание связи ценностной сферы с саморегуляцией уделяется в работах А. К. Осницкого, который подходил к ее изучению с позиции субъектно-деятельностного подхода. Он отмечал, что говорить о саморегуляции как об осознанном процессе уместно в том случае, когда мы имеем в виду не реактивную или импульсивную активность, а целенаправленную деятельность [14]. При этом А. К. Осницкий не отрицал влияния неосознаваемых процессов на саморегуляцию, указывая, что об осознанной саморегуляции активности человека стоит говорить как о сложной, во многом не поддающейся сознательному контролю, опирающейся на средства привычной активизации (результаты самоорганизации функциональных систем, участвующих в организации действий человека). Общая же способность к субъектной активности и, следовательно, к осознанной саморегуляции, которые мы связываем с самостоятельностью человека, обеспечивается взаимодействием пяти компонентов регуляторного опыта: ценностного, рефлексивного, операционального, опыта привычной активизации и опыта сотрудничества. Лишь в их взаимодействии и начинает по-настоящему работать система осознанной саморегуляции [11]. В рамках настоящей работы наибольшее внимание заслуживает именно ценностный опыт, о котором А. К. Осницкий пишет следующее: «ценностный опыт (связанный с формированием интересов, нрав-

ственных норм и предпочтений, идеалов, убеждений) ориентирует усилия человека. Именно ценности, освоенные человеком, ориентируют его в процессах принятия решения, а следовательно, опосредствованно и его усилия, обнаруживаемые в поведении» [12, с. 23].

А. К. Осницкий не просто отмечает разные виды опыта – под ними стоит понимать сферы личности, оказывающие влияние на процесс саморегуляции – автор также затрагивает вопрос о соотношении влияния различных видов опыта на саморегуляцию, ставя под сомнение идею стилей, описанных в работах О. А. Конопкина и В. И. Моросановой. Он пишет, что саморегуляция, опирающаяся на регуляторный опыт человека, является самоорганизующимся процессом, активизирующимся по принципу «пожарной команды» или «скорой помощи», базирующимся на накопленном опыте. Поэтому и схема объединения процессов целедостижения в саморегуляции, и схема взаимодействия компонентов регуляторного опыта могут быть представлены не в линейных схемах, а в виде «графов», в которых активизация может начаться с любого компонента. Поэтому рассуждения о «стиле саморегуляции» правомерны лишь как о ситуационном диагностируемом профиле саморегуляции. Вполне возможно, что показатели самооценивания действительно вариативны и мы можем отмечать лишь наличие тенденций в оценке тех или других показателей [13, с. 46]. Концепция А. К. Осницкого на первый взгляд разрешает вопрос о взаимосвязи саморегуляции и ценностной сферы – ценности влияют на саморегуляцию, и это

характерно для всех людей, но, предположительно, для людей с наиболее развитым ценностным опытом вероятность активации именно через него будет выше. Данная схема открывает возможности для проведения эмпирических исследований, поскольку позволяет проследить прямую связь между модальностями регуляторного опыта с саморегуляцией. Кроме того, данная модель открывает возможность для изучения возрастных особенностей влияния регуляторного опыта на саморегуляцию – если мы говорим о возможности активации саморегуляции с любого из компонентов, то можно предположить, что для разных возрастов будет характерен (в среднем) различный ведущий опыт регуляции. Это позволит определить, с какого возраста ценностный опыт становится ключевым в активации саморегуляции. Ограничением модели выступает отсутствие подробного описания содержания ценностного опыта у А. К. Осницкого, однако данный вопрос может быть решен четким согласованием понятий при постановке исследования.

В работах А. В. Зобкова [2; 3; 4] саморегуляция трактуется как сложный системный процесс психической активности, интегрирующий когнитивные, эмоционально-мотивационные и личностно-смысловые компоненты. В отличие от более структурно-ориентированных моделей О. А. Конопкина и В. И. Моросановой, А. В. Зобков акцентирует внимание на субъектном аспекте саморегуляции, выделяя её как механизм, обеспечивающий осознанное и целенаправленное поведение в различных сферах деятельности. Он подчеркивает, что саморегуляция не сводится

лишь к когнитивным операциям планирования и контроля или к мобилизующему ресурсу усилий: она проявляется как интегрированная система, в которой ключевую роль играют целеполагание, выбор стратегии достижения целей, оценка и корректировка результатов, а также внутренние мотивационные и смысловые феномены [5]. Иными словами, саморегуляция по А. В. Зобкову – это не только «как действовать», но и «зачем действовать», что требует учета личностных установок, интересов и убеждений субъекта.

Особое внимание уделяется многоуровневой структуре саморегуляции, где выделяются: функциональные компоненты, включающие планирование, контроль, оценку и коррекцию действий; личностно-смысловые компоненты, обеспечивающие значимость и направленность действий через внутренние ценности и цели; субъектный уровень, проявляющийся в способности к самоопределению, автономии и активному выбору стратегий поведения. Самооценочный компонент в модели А. В. Зобкова является центральным – именно он взаимодействует с другими компонентами непрерывно на каждом этапе планирования и осуществления деятельности и в процессе становления личности. Таким образом, модель А. В. Зобкова объединяет как формальные, так и содержательные аспекты саморегуляции, позволяя рассматривать её как динамическую систему, где активация одного компонента может запускать другие, а эффективность процесса определяется синергией всех уровней. В этом ключе модель А. В. Зобкова имеет некоторое сходство с моделью А. К. Осницкого,

однако в первой взаимосвязь компонентов является более комплексной и взаимосвязанной — если в модели А. К. Осницкого регуляторный опыт влиял на субъектность и саморегуляцию, то у А. В. Зобкова каждый элемент системы постоянно с саморегуляцией взаимодействует, а некоторые элементы также имеют двустороннюю связь. Это подчеркивает не только более широкий взгляд на саморегуляцию как на «мета процесс», но также позволяет проследить связь ценностной сферы с другими элементами осознанной регуляции.

Ценностная сфера в модели А. В. Зобкова рассматривается как центральный регулятор направленности личности и целеобразования. Ценности определяют, какие цели ставит человек, какие стратегии выбирает, а также насколько мотивированы усилия по их достижению. А. В. Зобков подчеркивает, что ценностные ориентации формируют осознанную мотивацию действий, интегрируя личностные смыслы с конкретными операциями саморегуляции. В данной концепции ценностные ориентации наравне с мотивационными проявлениями, параметрами самоактуализации личности и творческой активностью являются составляющими содержательно-мотивационного компонента саморегуляции [4, с. 83]. В своих исследованиях он приводит данные о корреляциях между показателями ценностных ориентаций и саморегуляционными качествами, такими как настойчивость, уверенность в себе, эффективность планирования и реализации задач. Эти результаты демонстрируют, что развитый ценностный опыт усиливает активацию и координацию компонентов саморегуляции, позволяя

субъекту действовать более целенаправленно и эффективно [1, с. 224]. Являясь целеобразующим звеном мотивации, ценностная сфера воздействует на процесс саморегуляцией, однако и сама ценностная сфера в процессе деятельности находится в постоянной динамике и зависимости от других компонентов саморегуляции, в особенности от других элементов содержательно-мотивационного компонента и самооценки как центрального компонента системы.

Работы А. В. Зобкова, посвященные саморегуляции учебной деятельности старших школьников и студентов, также создают основу для изучения связи ценностной сферы с саморегуляцией в контексте конкретной деятельности. Это объясняется тем, что в рамках исследования А. В. Зобков частично касается этого вопроса, проводя анализ саморегуляции учеников и студентов в разрезе «путей обучения», где ценностная сфера может предопределять склонность студента ориентироваться на внутренние убеждения, стремление соответствовать внешним требованиям либо выполнять их формально [3, с. 235].

В целом подход А. В. Зобкова демонстрирует, что ценности не являются лишь фоном мотивации, а представляют собой системообразующий элемент саморегуляции, связывающий когнитивные операции, эмоционально-мотивационную сферу и личностные смыслы в единое целое. Такая интеграция обеспечивает как осознанность, так и целенаправленность действий, а также возможность адаптивной коррекции поведения в условиях разнообразных социальных и личностных требований. Модель А. В. Зобкова дает возможность

проследить соотнесение ценностной сферы с другими сферами на примерах разных возрастных групп, что (как и в случае с моделью А. К. Осницкого) открывает путь к изучению связи ценностной сферы с саморегуляцией не только «в целом», но в разрезе определенного возрастного периода – это, в свою очередь, может помочь в более подробном изучении вопроса о том, когда именно ценностная сфера человека становится ключевым фактором саморегуляции.

Заключение. Проведённый анализ показал, что формирование представлений о саморегуляции личности в психологии прошло длительный путь – от понимания её как внешне детерминированного или когнитивно-операционального процесса до осмысления как внутреннего, смыслового механизма саморазвития, тесно связанного с личностных и субъектных качеств и свойств. Ещё в работах Э. Фромма и К. Роджерса саморегуляция рассматривалась как проявление личностной зрелости и ответственности, а исследования Дж. Флэвела, Р. Аткинсона и А. Бека заложили основы когнитивного анализа процессов целеполагания, контроля и управления поведением. Эти идеи создали фундамент для понимания саморегуляции как сложной системы, объединяющей когнитивные, мотивационные и эмоциональные аспекты.

В отечественной психологии ключевые теоретические предпосылки были сформированы в русле культурно-исторического и деятельностного подходов. Л. С. Выготский показал, что регуляция поведения изначально формируется во внешней социальной среде и постепенно интериоризируется, превращаясь во внутренний

механизм самоуправления. С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев развили это направление, рассматривая саморегуляцию как проявление сознательной активности личности, опосредованной системой мотивов, целей и смыслов. Особенно значим вклад Л. И. Божович, которая связала становление саморегуляции с развитием ценностной сферы, подчёркивая её роль как внутреннего нравственного регулятора поведения подростка. В совокупности эти идеи определили переход к пониманию саморегуляции как интегрального образования, обеспечивающего осмысленное и морально ориентированное поведение.

Современный этап исследований характеризуется стремлением к структурированному описанию процессов саморегуляции. Существенный вклад в это направление внесли О. А. Конопкин и В. И. Моросанова, которые предложили функциональные модели, позволяющие рассматривать саморегуляцию как целостную систему взаимосвязанных звеньев: целеполагания, моделирования, программирования, оценки и коррекции деятельности. Эти модели задали методологический каркас для изучения регуляторных процессов и открыли возможности для эмпирического анализа индивидуальных различий саморегуляции.

Последующие исследования показали, что функциональные модели при всей их теоретической чёткости не охватывают смысловую и ценностную составляющую саморегуляции. Эту проблематику наиболее последовательно развивали А. К. Осницкий и А. В. Зобков, которые акцентировали внимание на субъектной и ценностно-смысловой природе саморегуляции.

В их трудах саморегуляция понимается не только как механизм управления поведением, но и как выражение внутренней позиции личности, её системы смыслов и жизненных ориентиров. Такой подход позволяет рассматривать регуляцию не как инструмент адаптации, а как способ самоопределения и реализации личностных ценностей.

Таким образом, анализ теоретических концепций демонстрирует, что современное понимание саморегуляции выходит за пределы функционального описания и предполагает обращение к её внутренним основаниям – ценностной и смысловой сфере личности. Именно она обеспечивает согласование между внешними требованиями и внутренними мо-

тивами, превращая регуляцию из механизма контроля в механизм личностного развития. Перспективным направлением дальнейших исследований выступает изучение закономерностей формирования ценностно-опосредованной саморегуляции, её возрастных особенностей и индивидуальных различий. Особое внимание заслуживает юношеский возраст как период активного становления системы жизненных смыслов и ценностей. Анализ роли ценностной сферы в саморегуляции личности позволяет не только уточнить структуру этого феномена, но и приблизиться к пониманию того, каким образом человек становится субъектом собственной жизни, способным действовать в соответствии не только с целями, но и внутренними убеждениями.

Литература

1. Божович Л. И. Проблемы формирования личности: избранные психологические труды / под ред. Д. И. Фельдштейна. М. : Просвещение, 1995. 642 с.
2. Зобков А. В. Акмеология саморегуляции учебной деятельности : монография. Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых ; Санкт-Петерб. акмеол. акад. ; под науч. ред. проф. Н. П. Фетискина. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2013. 320 с.
3. Зобков А. В. Личностные компоненты саморегуляции учебной деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 234 – 237.
4. Зобков А. В. Психологическая модель саморегуляции поведения и учебно-профессиональной деятельности студенческой молодежи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 99. № 7. С. 79 – 86.
5. Зобков А. В., Турчин А. С. Саморегуляция учебной деятельности : монография / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых ; Иван. гос. ун-т. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2013. 251 с.
6. Конопкин О. А. Структурно-функциональный и содержательно-психологический аспекты осознанной саморегуляции // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 27 – 42.
7. Конопкин О. А., Моросанова В. И. Стилевые особенности саморегуляции деятельности // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 18 – 26.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
9. Моросанова В. И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2010. № 1. С. 36 – 45.

10. Моросанова В. И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей [Электронный ресурс] // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. № 7 (4). С. 62 – 78. Режим доступа: <http://terjournal.com/ru/> (дата обращения: 15.10.2025).
11. Осницкий А. К. Деятельность, сознание, саморегуляция // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности. М., 2018. С. 1996 – 2006.
12. Осницкий А. К. Регуляторный опыт – основа субъектной активности человека // Теоретическая и экспериментальная психология. 2008. Т. 1. № 2. С. 17 – 34.
13. Осницкий А. К. Саморегуляции в разных видах активности человека // Психология саморегуляции в контексте актуальных задач образования : материалы науч. конф. Москва, 27 – 28 апр. 2021 г. М. : Психологический институт Российской академии образования, 2021. С. 43 – 47.
14. Осницкий А. К. Структура, содержание и функции регуляторного опыта человека : дис. ... д-ра психол. наук / РАО. Психологический институт. М., 2001. 370 с.
15. Психология личности : хрестоматия / МГУ им. М. В. Ломоносова, Фак. психологии ; под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер. М. : АСТ : Астрель, 2009. 617 с.
16. Фрейджер Р., Фэйдимен Дж. Личность. Теории, упражнения, эксперименты : пер. с англ. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 704 с.
17. Baumeister, R. F., Schmeichel, B. J. & Vohs, K. D. (2013) Self-Regulation and executive function: The Self as controlling agent. In A. W. Kruglanski, E. T. Higgins (Eds.) Social psychology: Handbook of basic principles (pp. 516 – 539) N.Y : Guilford Publications.

References

1. Bozhovich L. I. Problemy` formirovaniya lichnosti: izbranny`e psixologicheskie trudy` / pod red. D. I. Fel`dshtejna. M. : Prosveshhenie, 1995. 642 s.
2. Zobkov A. V. Akmeologiya samoregulyacii uchebnoj deyatel`nosti : monografiya / Vladim. gos. un-t im. A. G. i N. G. Stoletovy`x ; Sankt-Peterb. akmeol. akad. ; pod nauch. red. prof. N. P. Fetiskina. Vladimir : Izd-vo VIGU, 2013. 320 s.
3. Zobkov A. V. Lichnostny`e komponenty` samoregulyacii uchebnoj deyatel`nosti // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2010. № 3. S. 234 – 237.
4. Zobkov A. V. Psixologicheskaya model` samoregulyacii povedeniya i uchebno-professional`noj deyatel`nosti studencheskoj molodezhi // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki. 2011. T. 99. № 7. S. 79 – 86.
5. Zobkov A. V., Turchin A. S. Samoregulyaciya uchebnoj deyatel`nosti : monografiya / Vladim. gos. un-t im. A. G. i N. G. Stoletovy`x ; Ivan. gos. un-t. Vladimir : Izd-vo VIGU, 2013. 251 s.
6. Konopkin O. A. Strukturno-funkcional`ny`j i sodержatel`no-psixologicheskij aspekty` osoznannoj samoregulyacii // Psixologiya. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2005. T. 2. № 1. S. 27 – 42.
7. Konopkin O. A., Morosanova V. I. Stilevy`e osobennosti samoregulyacii deyatel`nosti // Voprosy` psixologii. 1989. № 5. S. 18 – 26.
8. Leont`ev A. N. Deyatel`nost`. Soznanie. Lichnost`. M. : Politizdat, 1975. 304 s.

9. Morosanova V. I. Individual'ny'e osobennosti osoznannoj samoregulyacii proizvod'noj aktivnosti cheloveka // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 14. «Psixologiya». 2010. № 1. S. 36 – 45.
10. Morosanova V. I. Razvitie idej O. A. Konopkina v sovremenny'x issledovaniyax osoznannoj samoregulyacii v kontekste aktual'ny'x zadach obrazovaniya // Psixologiya samoregulyacii v kontekste aktual'ny'x zadach obrazovaniya (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya O. A. Konopkina). 2021. № 1. S. 11 – 18.
11. Osniczkiy A. K. Deyatel'nost', soznanie, samoregulyaciya // Psixologiya cheloveka kak sub`ekta poznaniya, obshheniya i deyatel'nosti. M., 2018. S. 1996 – 2006.
12. Osniczkiy A. K. Regulyatorny'j opyt – osnova sub`ektnoj aktivnosti cheloveka // Teoreticheskaya i e'ksperimental'naya psixologiya. 2008. T. 1. № 2. S. 17 – 34.
13. Osniczkiy A. K. Samoregulyacii v razny'x vidax aktivnosti cheloveka // Psixologiya samoregulyacii v kontekste aktual'ny'x zadach obrazovaniya : materialy` nauch. konf. Moskva, 27 – 28 apr. 2021 g. M. : Psixologicheskij institut Rossijskoj akademii obrazovaniya, 2021. S. 43 – 47.
14. Osniczkiy A. K. Struktura, sodержanie i funkcii regulyatornogo opy'ta cheloveka : dis. ... d-ra psiol. nauk / RAO. Psixologicheskij institut. M., 2001. 370 s.
15. Psixologiya lichnosti : xrestomatiya / MGU im. M. V. Lomonosova, Fak. psixologii ; pod red. Yu. B. Gippenrejter. M. : AST : Astrel`, 2009. 617 s.
16. Frejdzher R., Fe`jdimen Dzh. Lichnost`. Teorii, uprazhneniya, e'ksperimenty` : per. s angl. SPb. : Prajm-EVROZNAK, 2006. 704 s.
17. Baumeister, R. F., Schmeichel, B. J. & Vohs, K. D. (2013) Self-Regulation and executive function: The Self as controlling agent. In A. W. Kruglanski, E. T. Higgins (Eds.) Social psychology: Handbook of basic principles (pp. 516 – 539) N.Y : Guilford Publications.

M. A. Maksimov

VALUE ORIENTATIONS AND ACTIVITY SELFREGULATION

The article analyses the position of the personality value sphere in the concepts of self-regulation of behaviour and activity. The analysis covers both domestic and foreign approaches, showing the evolution of understanding of self-regulation from externally conditioned and cognitive-operational mechanisms to internally mediated, value-semantic processes. Special attention is paid to the modern research of O.A. Konopkin, V.I. Morosanova, and A.K. Osnitsky and A.V. Zobkov demonstrating that the value sphere is a key regulator of personal activity and ensures conscious, purposeful, and morally oriented behaviour.

Key words: *self-regulation, self-regulation mechanisms, value sphere, subjectivity, and regulatory experience.*